
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ

С.В. ПАТРУШЕВ, Л.Е. ФИЛИПОВА

МАССОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ¹

Постановка проблемы

Волна протестных выступлений в разных регионах мира, включая Россию, в первые десятилетия XXI в. вновь ставит вопрос о значении массового фактора в политическом процессе. Ответ на него предполагает концептуализацию и реконцептуализацию самого явления. Теоретические дебаты сопровождаются попытками актуализации и реконцептуализации понятий «масса», «массовое участие», «массовая политика»².

Феномен массового вторжения в политику далеко не нов. Не уходя глубоко в историю, напомним, что обсуждение проблем, связанных с «неожиданным появлением» большого количества людей в политической жизни, которое получило название «массовая по-

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, исследовательский проект «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия», 13-03-00338.

² См., например: [Alvarez-Junco, 2002; Andersen, 2009; Baudrillard, 2002; Borch, 2012; Campbell, 2012; Geissel, Fiket, 2011; Hooghe, Marien, 2013; Keren, 2010; McNale, 1995; Mettler, Soss, 2004; Sieja, 2012; Studlar, McAllister, 2006; Welzel, 2008; White, 2009; A new engagement?, 2006; Казинцев, 2010; Карпунин, Макаревич, 2001; Мурейко, 2008; Пензин, 2004; Рейнгольд, 2006; Хардт, Негри, 2006; Хевеши, 2001; Шуровьески, 2007; Яковенко, 2009].

литика», шло чрезвычайно активно по крайней мере с начала XIX в., создав плотную сеть понятий и концепций, за которыми не всегда проглядывала реальность.

Понятие «масса» начало широко употребляться во время Великой французской революции. Именно здесь государство впервые сознательно мобилизовало народные массы в собственных целях [Кревельд, 2006, с. 246]. Исторический опыт коллективного действия масс, сложившийся в ходе Великой французской революции (1789–1799), затем был многократно повторен и умножен социальными конфликтами, революциями и войнами XIX и XX вв.

Возникновение массовой политики нередко относят к началу XIX века и связывают, в частности, со временем Эндрю Джексона, американского президента «демократического перелома» (1829–1837). При нем люди, которые были официально исключены из политики (женщины, представители низших классов или этнических и религиозных меньшинств), получили возможность активно участвовать в политической жизни страны [Согрин, 2001, с. 100–130].

В свете позднейших дискуссий интересны оценки внимательного наблюдателя – А. Токвиля. Французский аристократ обнаружил в Америке Джексона «огромную массу людей, у которых сложилось почти одинаковое понимание религии, истории, наук, политической экономии, законодательства, государственного устройства и управления» [Токвиль, 1992, с. 60]. По его мнению, «чем больше расширяются избирательные права граждан, тем больше потребность в их дальнейшем расширении, поскольку после каждой новой уступки силы демократии нарастают, и одновременно с упрочением новой власти возрастают и ее требования. Чем больше людей получает право избирать, тем сильнее становится желание тех, кто еще ограничен избирательным цензом, получить это право. Исключение становится наконец правилом, уступки следуют одна за другой, и процесс развивается до тех пор, пока не вводится всеобщее избирательное право» [Токвиль, 1992, с. 63]. Без такого понятия, как «народ», пишет Токвиль, остаются лишь «отдельные, равные между собой граждане, сливающиеся в общую массу» [Токвиль, 1992, с. 90]. И дальше формулирует «золотое правило»: «Все, что оказывается успешным без прямого участия в этом народа, с трудом обретает его поддержку» [Токвиль, 1992, с. 162]. Этот вывод, видимо, опирался и на опыт Франции.

Исторически появление «массовой политики» сопровождалось образованием (или обновлением) институтов политического представительства, в частности в виде избираемых всеобщим голосованием парламентов, а также институтов политического участия и политического действия в виде, прежде всего, массовых партий, опосредованных институтами политической мобилизации. По существу, речь шла, с одной стороны, о конституировании политического поля и разворачивании политического процесса, того, что называется политикой модерна, а теперь современной политикой, а с другой стороны, – о формировании национальных государств и политических систем.

В 1870–1914 гг. политическая жизнь Европы испытала влияние экономических изменений, включая технологические сдвиги в ходе второй промышленной революции и глобализации производства, торговли и потребления. Все это повлияло на демографические процессы, рост иммиграции, урбанизацию и усилило социальную напряженность. Столкновения между социальными группами изменили характер европейской политики¹. Во многих европейских государствах рабочий класс добился права голоса. Это подтолкнуло и женщин к выдвижению тех же требований. Расширение франшизы создало «эру массовой политики», когда наблюдался рост социалистических партий слева и расистских, радикальных националистических партий справа. Триумф демократии и личных свобод в конце XIX в. во многом обязан современной промышленной экономике, увеличившей численность и экономическую власть обычных рабочих, которые объединились с промышленниками, чтобы повергнуть старый режим [The coming of mass politics, 2010; Голдстоун, 2014, с. 188].

Под влиянием этого нового опыта слово «масса» («массовый») приобрело широкое употребление, стало едва ли не ключевым для характеристики социальных явлений и событий новейшей эпохи. За исключением понятия «массовый митинг», появившегося в Америке в 1773 г., большинство слов вошли в лексикон, напри-

¹ Что-то похожее происходило в европейской истории 1500–1700 гг., когда «обычные люди, разбивая эксклюзивные претензии своих правителей на политический и культурный суверенитет и смело вступив на юридически закрытые для них политические арены, помогли сформировать культурный и политический ландшафт современной Европы» [the Brake, 1998].

мер английского языка, сравнительно недавно: массовое убийство – в 1880 г., массовое движение – в 1897, массовая истерия – в 1914 г., массовая культура – в 1916, массовое захоронение – в 1918, массовое производство – в 1920, массмедиа – в 1923 г. [Online etymology dictionary, б. г.].

Слово «масса» было известно еще римлянам (лат. *massa* – совокупность вещества в известном теле, глыба) и даже, вероятно, античным грекам. Однако существовало и другое слово – «множество» (лат. *multitudo* (*multus*) – большое количество, толпа, простые люди, много). «Масса» стала научным понятием в 1704 г. в механике Ньютона как мера инерции и тяготения. Выявляя одно общее свойство различных тел, физическое понятие «масса» уравнивает их в отношении других свойств. Поэтому «масса» характеризует единства, структура которых либо предельно неустойчива, либо не имеет значения [Найдорф, 2013]. К XX в. понятие «масса» практически вытесняет понятие «множество».

В теоретической традиции массы трактуются либо позитивно как субъект и основание политического действия, либо негативно как опасный феномен «естественного состояния». Истоки этого противостояния уходят в позиции Б. Спинозы и Т. Гоббса¹.

Для Б. Спинозы термин «народная масса» (*multitudo*) означает множественность, которая существует как таковая на общественной сцене, в коллективном действии, по отношению к общим делам. Множество – форма общественного и политического существования многих в качестве многих. Это постоянная, не эпизодическая и не промежуточная форма, краеугольный камень гражданских свобод.

Для Гоббса опасным является недостаточно четкое отличие народной массы, или толпы, от народа [*populus*]. Народ есть нечто единое, обладающее единой волей и способное на единое действие. Масса (*multitudo*) – это граждане, т.е. подданные. При демократии и аристократии граждане – это масса [*multitudo*], но собрание (*curia*) – это уже народ.

Спиноза вскрывает необходимую связь, которая существует между индивидом и государством: «Если государство уступает кому-либо право, а следовательно, и власть... то тем самым оно отказывается от своего права и переносит его на того, кому дало такую

¹ Об этом ярко написал П. Вирно [Вирно, 2013, с. 9–14].

власть. Если же оно... дало эту власть каждому из граждан, то тем самым оно разрушило само себя и нет уже более государства, но все возвращается в естественное состояние» [Спиноза, 1999, с. 260].

Э. Дюркгейм применил термин «масса» в отношении гипотетически простейшей форме общности, основанной на абсолютном сходстве ее членов: «...социальная протоплазма, зародыш, откуда возникли все социальные типы». Французский социолог назвал подобный агрегат ордой [Дюркгейм, 1990, с. 167]. Дюркгейм использует слово «масса» и в значении неразличенного множества, как результат простого сложения не подлежащих учету однотипных элементов. Понятие «масса» описывает самую простую форму человеческих ассоциаций, все случаи множеств, имеющих сходство, однотипность поведения людей, их личных свойств, которые проявляются в рамках этих массовых ассоциаций и взаимодействий; «масса» характеризует также мощность этих множеств с точки зрения их численности и плотности скопления на определенной территории [Найдорф, 2013].

Углублению этого противостояния в XX в. немало способствовали талантливые книги «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета и «Масса и власть» Э. Канетти [Ортега-и-Гассет, 2002; Канетти, 1997].

Заметный вклад в негативное восприятие понятия «массовая политика» внесла книга У. Корнхаузера «Политика массового общества» [Kornhauser, 1959]. Американский социолог дал такие определения: «Массовая политика возникает, когда большое количество людей занимается политической деятельностью вне процедур и правил, учрежденных обществом для того, чтобы управлять политическими действиями. Массовая политика в демократическом обществе, следовательно, является антидемократической, так как она противоречит конституционному порядку» [Kornhauser, 1959, р. 227]. По мнению Корнхаузера, наиболее удовлетворительной теорией уязвимости социальных систем к массовой политике является концепция массового общества, под которым понималось общество, где участие в политике носит массовый характер, но мало развит плюрализм (pluralism) или слабо гражданское общество¹.

¹ Теория массового общества интенсивно развивалась многими интеллектуалами. Но суждения о нем были противоречивы – от элитарной критики омассовления, «тирании масс» (И. Бентам, Ф. Ницше, О. Шпенглер, Н.А. Бердяев,

Итоговый вывод автора прост: современная демократия уменьшает легитимность элит, но она также поощряет множество конкурирующих элит, которое является ограничением их действий.

Судьба понятия «массовая политика» была во многом сходной негативистское понимание преобладало и продолжает преобладать [Государство и «народные» массы в России, 2009]. Хотя акценты начинают смещаться [Коткин, 2001].

«Считается, – пишет американский исследователь Д. Слейтер, – что европейские государства были построены прежде всего благодаря централизованному налогообложению и воинскому призыву, а также войнам. Но именно активное вовлечение простых людей в большую политику в Европе сделало возможным высокое налогообложение богатых, а также формирование национальной системы управления и распределения» [Слейтер, 2006]. И продолжает: «Требования европейских народных масс после Первой мировой войны были выражены в основном реформистским языком демократического социализма. Политическим языком азиатских народных масс стали радикальные коммунистические призывы. Сильные государства в Европе и Азии, независимо от того, были они демократическими или авторитарными, возникали, чтобы противодействовать массовым политическим движениям. Если массовая политика отсутствовала, политические и деловые элиты были склонны использовать власть для обслуживания собственных интересов и пренебрегать работой по формированию эффективного государства и распространения госуслуг на низший уровень» [Слейтер, 2006]. Очевидно, что для американского исследователя массовая политика, в частности массовые политические движения, несут угрозу себе и государству. Но одновременно

Х. Ортега-и-Гассет и др.) до, напротив, защиты массового общества от элитарной критики (К. Мангейм, Х. Арендт и др.) и попыток дать ему позитивную оценку, подчеркивая интеграцию людей в систему институтов массового общества, преодоление социальных антагонизмов и создание более социально однородного общества (Д. Белл, Э. Шилз и пр.) В конечном счете было признано, что это понятие мало что дает для понимания общественных процессов, и от него практически отказались. Ч. Тилли пишет, например, что «анализ в традиции массового общества, от которой теперь в значительной степени отказались, рассматривает тоталитаризм и демократию как следствие разных степеней и форм интеграции между обычными людьми и обществом в целом» [Tilly, 2001, p. 23].

она же, массовая политика, побуждает государство к изменению [см. также: Slater, 2010].

Как следствие, исследователи используют это понятие двояким образом.

Когда речь идет о политико-историческом анализе, массовая политика как понятие чаще всего применяется в негативном смысле, как фактор разрушения существующих институтов и государства.

Альтернативная точка зрения означает важность массовой политики для формирования политического пространства, для становления национального государства

Пространство политического и массовая политика

Правила, конституирующие институты, действуют в трех взаимозависимых «мирах» (уровнях). Это «мир действий» (оперативный уровень), в котором осуществляются действия и принимаются стратегии относительно будущих выборов и действий; «мир коллективного выбора», в котором принимаются обязательные коллективные решения о политике и оперативных механизмах; «мир конституционного выбора», в котором формулируются правила, регулирующие процесс достижения коллективных решений, – «правила о правилах принятия решений» [Kiser, Ostrom, 1982]. Дизайн конституций, государственной политики и административных процедур может быть понят как коллективные решения. Коллективные решения по этому поводу основаны на способах, с помощью которых люди формируют суждения и делают выбор. Решения и выбор связаны со специфическими институтами, полезными при обобщении, экстраполяции или проектировании индивидуальных интерпретаций специфических состояний мира. Эффективность управления, в том числе государственного, обеспечивается коллективными решениями, согласованными с индивидуальными решениями, включая проблему примирения эффективности и народной демократии, баланса элитных и массовых ролей в процессе принятия решений.

Это рассуждение подводит нас к выяснению специфики политического и демократии и связи между ними. Нам представляется значимой позиция французского политического философа Ж. Ран-

сьера, продолжающего в интересующем нас вопросе аналитическую традицию Спинозы.

По мнению Рансьера, политика должна определяться не через власть, а сама собой, как особый образ действия, используемый индивидом и подлежащий ведению особой рациональности. Для Аристотеля, напоминает Ж. Рансьер, политическая власть есть власть над равными, поскольку гражданин – это индивид, «который как властвует, так и подчиняется» [Рансьер, 2006, с. 195]. Политика как целое заключается в этом особом отношении, в этом участии, смысл и условия возможности которого надо определять. По Платону, напоминает Рансьер, права управлять и быть управляемым даны традиционными правами авторитета на основании различий по природе, т.е. по рождению – это власть родителей над детьми, старых над молодыми, хозяев над рабами и благородных над простолюдинами; далее, это власть высшей природы – сильнейших над слабейшими, она ничем не обусловлена, это власть знающих над незнающими и, наконец, «выбор бога», решение судьбы, режим, который может спасти лишь демократия, – выпадение жребия при отсутствии права управлять, право того, кто бесправен. Демократия есть особая ситуация, где отсутствие права дает право на осуществление власти, это власть того, кто не властвует [Рансьер, 2006, с. 202–203]. Реальное содержание аксиомы демократии – «свобода» народа – это разрыв аксиоматики господства, т.е. соотношения между способностями властвовать и быть подвластным.

Гражданин, участвующий во власти, мыслим, только исходя из демоса. Поэтому демократия не является политическим режимом, способом собирать людей под общей властью, но есть институт политики, институт ее субъекта и формы ее отношений. Парадокс понятия «власть демоса» в том, что властвуют те, особенностью коих является отсутствие всякого права управлять. «Это недифференцированная масса тех, кто “не считается”, кто говорит, когда не имеет права говорить; кто принимает участие в том, в чем он не имеет права принимать участие». Народ (демос), полагает Рансьер, «является субъектом демократии и, следовательно, субъектом политики». Это – не совокупность членов сообщества и не трудящийся класс населения, но дополнительное существование, подсчет неучтенных или доля обездоленных, т.е. равенство существ, наделенных даром речи. Структурный смысл состоит в

том, что не чернь, трудолюбивая и страдающая, занимает территорию политического действия и отождествляет свое имя с именем сообщества. Посредством демократии с сообществом отождествляется некая дополнительная часть, которая отделяет сообщество от суммы частей социального тела. «Политика есть действие дополнительных субъектов, некоего излишка при подсчете частей общества» [Рансьер, 2006, с. 205].

Торжество «чистой политики» отсылает добродетель политического блага к правительственным олигархиям, консультируемым их специалистами. Мнимое очищение политического – домашних и социальных потребностей – сводит политическое к государственному.

«Демократия, – пишет К. Лефор, – сопротивляется всем попыткам свести ее к совокупности институтов или к набору правил поведения, которые можно было бы без проблем определить путем сравнения с другими известными режимами. Она требует, чтобы народ был ей привержен. Причем эту приверженность нельзя охарактеризовать исключительно с помощью политических категорий. Человек, проявляющий гражданскую ответственность, вовсе не обязан присягать на верность форме правления. Вполне возможна ситуация, когда человек будет щеголять своим пренебрежением к выборам, к решениям большинства, к партийной демагогии и в то же самое время проявлять стремление к независимости, к свободе мысли и слова, чувствительность к другим и рефлексивность по отношению к себе самому, а также будет стремиться узнать побольше о чужих и древних культурах. Все эти черты несут на себе печать демократического духа» [Lefort, 2000, p. 266].

Кризис демократических форм легитимации насилия и ответственности усиливается вследствие глобализации. Предлагаемые меры как слева, так и справа противоречат идее подлинной демократии, поскольку пытаются навязать ее сверху. Незавершенность демократического проекта эпохи Модерна показывает, что демократия как власть каждого в интересах всех может появиться только снизу [Кильдюшов, 2006].

Возрастание интереса к новым акторам глобального политического процесса, к диффузному, гетерогенному множеству, молчаливому до сих пор большинству, не воспринимавшемуся ранее в качестве потенциального субъекта политики, крайне актуально. Множество нуждается в радикальном понятии демократии: гло-

бальный запрос на демократию уже существует [Хардт, Негри, 2006, с. 326]. Кризис репрезентации и требования демократизации – это аспекты процесса политической эмансипации множества. Поэтому столь важна реактуализации массовой политики как практики и ее теоретического осмысления.

Институциональная модель массовой политики: Типология политики

Мы предлагаем анализировать массовую политику (и политику масс) как процессы, разворачивающиеся в институциональном пространстве *мобилизации, представительства, участия и действия* (см. табл. 1).

Мобилизация рассматривается нами как процесс включения индивидов в институты участия, действия и представительства, иными словами, в политику; представительство – как совокупность механизмов, позволяющих индивидам трансформировать свои интересы в управленческие решения, участие – как деятельность, связанная с воспроизводством политического порядка и обеспечивающая социальную и политическую стабильность, а действие – как деятельность, направленная на трансформацию порядка.

Определение предметного поля исследования массового фактора предполагает различие между массовой политикой (= массовое вовлечение граждан в политику, политика массового политического участия) и политикой масс (= прямое вторжение масс в политику, прямое, нередко стихийное / спонтанное массовое действие).

«Классическая» массовая политика в условиях структурированного общества означает конституирование политического, институтов представительства, политического участия и политического действия и потому императивна политической демократии. Для нее эффективна стратегия «empowerment» («эмпауэрмент»), которая начала формироваться в конце 1960-х годов в русле массовых студенческих волнений и новых социальных движений [Alexander, Welze, 2011]. Обоснование и содержательное наполнение массовой политики обусловлены тремя темами: идентичность и политическая субъектность; разнообразие и право на различие; новая парадигма власти. Они заложили основу для демократиче-

ского вектора массовой политики – в сторону «умной толпы» и ее «цивилизационной компетентности» [Штомпка, 2012].

Таблица 1

Массовая политика в России: Институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия

Массовая мобилизация – 1						
Структура	Социетальная / Социальная мобилизация			Гражданская мобилизация		
	Структура + Мобилизация	Мобилизация	Автономный агент	Права и свободы	Свобода	Ответственность
Социальные изменения	Попутная мобилизация	Сопровождающий агент	Власть / Легитимация	Самоорганизация		
	Реальный субъект мобилизации			Элиты	Клики	Граждане
	Клики Элиты Администраторы Граждане			Кликовая	Локальная / Частная	Универсальное
				Кликовая идентичность	Групповая идентичность	Гражданская идентичность
				Группы интересов	Движения	Организации

Массовая мобилизация – 2								
Политическая мобилизация				Когнитивная мобилизация				
Структура	Партии	Движения	Ресурсы	Интерес	Образование	Информация	Коммуникация	Компетентность
Социальные изменения	Партийная идентичность	Идеологическая идентичность	Социальный капитал	Личностная политическая идентичность				
	Позитивная / Негативная		Идеи					
	Коллективный политический выбор			Индивидуальный политический выбор				

Продолжение таблицы 1

Массовое представительство	
Содержательное	Функциональное
Права и свободы	Обязанность и долг
Классические массовые партии	Кликовые / Имиджевые партии
Выборы	Плебисцит
Выбор идеологии /проекта	Выбор бренда/пакета программ
Единичное / Общее	Единичное / Особое
Активные меньшинства / Поддерживающие большинство	Активные меньшинства / Все / Никто

Массовое участие	
Автономное	Мобилизационное
Универсальное / Локальное	Универсальное / Локальное
Воспроизводство	Воспроизводство
Выборы / Ответственность	Выборы / Обязанность
Программное участие	Персональное участие

Массовое действие	
Рациональное	Иррациональное
Трансформация / Модернизация	Консервация / Разрушение
Индивиды / Коллективы (коллективное действие)	Индивиды / Массы

«Классическая» политика масс возникает в условиях слома социальных структур, сопровождает (или инициирует) деструктивные процессы и ведет к деинституционализации, упразднению политического с возможной перспективой его восстановления в новых формах и с новым содержанием. Феномены массы и массового сознания ситуативны, они возникают как признаки и последствия кризисных процессов и проблем формирования нового порядка.

Существующий в России порядок уже не является традиционалистским, но и не стал современным [Гражданское и политическое, 2013]. Большинство населения занимает по отношению к модернизационным новшествам в лучшем случае безразличную, а в худшем – оборонительную позицию [Модернизация и политика, 2012].

Наличие не вполне социально, политически и идеологически определенного индивида создает предпосылки для его массовизации и включения в этом качестве во властные практики. Стремление власти сформировать свою опору, сдерживая процесс самоорганизации, по существу – социального и политического структурирования, создает предпосылки для политики внеклассового, надполи-

тического популизма. Если в массовую политику индивиды вовлекаются как граждане, то политика масс обращается к «базовому» человеку; соответственно, формируется не дискурс реализации гражданских, политических и пр. прав или борьбы за них, а дискурс потребностей выживания, не допускающий формулирование различных политических платформ.

Проблема модернизации становится проблемой структуры и ответственности власти – станет ли запрос на изменения и инновации массовым, в значительной мере зависит от возможностей открытого и равноправного диалога власти и общества.

Пока «политическое» в российском контексте представляет собой не публичное пространство диалога и институционализированного конфликта по поводу устройства и развития общества, а «место» действия власти, по отношению к которой происходит идентификация «своих» и «чужих» [Гражданское и политическое, 2013]. Отсутствие основ для политических размежеваний и реальной политической борьбы упраздняет ключевое для демократии различие «большинства» и «меньшинств», заменяемых ситуативными общностями.

Перспективы демократической трансформации политического режима в России связаны, как представляется, с вовлечением в политику большинства граждан, освоением ими демократических норм и ценностей, а также со способностью демократически ориентированных граждан и их объединений к политическому действию.

Исследовательская проблема – выяснение причин и следствий, институциональных характеристик тех явлений российской политики, которые ведут или к политике масс, или к формированию массовой политики.

Разведение понятий «массовая политика» и «политика масс» не стоит считать терминологической «игрой». Мы полагаем, что оно позволяет по-новому взглянуть не только на новые формы, которые может принимать в современных условиях политическая активность, но и на содержательную сторону этой активности, т.е. рассматривать массовое участие и действие как ключевой элемент политического процесса. Содержание и направленность активности масс фактически определяют и структурные, и качественные характеристики политического пространства. «Классический» анализ политического участия, в котором презюмируется «рационально действующий» индивид, противопоставленный «иррацио-

нальному» индивиду – фрагменту толпы, мало дает для понимания того, каким образом абстрактные конструкторы (такие, например, как «демократия» или «государство») воплощаются в реальные практики; это понимание требует рассмотрения массовой политической активности. Отделяя политику масс от массовой политики, мы уже не можем отместить всю активность масс как потенциально опасную, но должны анализировать ее различные формы с точки зрения их нормативно-ценностных оснований, целей и последствий.

Очевидно, что первой исследовательской задачей является выделение критериев, позволяющих классифицировать конкретные формы массовой активности как относящиеся к массовой политике либо к политике масс. На практике границы между массовой политикой и политикой масс могут быть очень нечеткими. Даже если рассматривать в качестве примера такое распространенное и, на первый взгляд, простое событие, как массовый митинг, то становится понятно, что внешние, формальные признаки (соответствие / несоответствие закону, применение / неприменение насилия, оппозиционная / провластная направленность и т.п.) являются недостаточными для однозначной классификации данного действия. Прежде всего, никакое событие, подразумевающее участие масс, не может быть рассмотрено изолированно, вне более широкого контекста, включающего в себя и наличный институциональный порядок, и «альтернативный» порядок, потенциально создающийся в результате этого события.

Анализ того, каким содержанием наполняется каждый из этих элементов, позволяет дифференцировать массовую политику и политику масс. Если массовая политика – это «субстрат» *демократического* политического процесса, то первоочередным критерием для ее определения является ориентация включающихся в политику индивидов на реализацию прав и свобод (или борьбу за их предоставление / расширение / применение). Отталкиваясь от этого критерия, мы можем выделить ряд признаков (как формальных, так и сущностных), характеризующих мобилизацию, представительство, участие и действие в массовой политике, и противопоставить им признаки, присущие политике масс (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы политики

Массовая политика	Политика масс
Мобилизация	
Мобилизующие факторы: отстаивание своих / чужих прав и свобод, представления об общем благе «частные интересы общественного значения»	Мобилизующие факторы: права и свободы определенных соци- альных общностей в ущерб другим социальным общностям, сугубо част- ные интересы (сто рублей / отгул на работе за участие в митинге) страх, агрессия
Представительство	
Партийная система, ориентированная на массовое участие, развитие новых форм представительства	Вождистский тип взаимодействия ли- дера и массы, отказ массы от предста- вительства («народ берет власть в свои руки» – модель народного схода / вече вместо парламентской модели)
Участие	
Выборы: голосование на основе про- грамм партий / политиков; большая активность на региональных и муни- ципальных выборах (как возможность непосредственного влияния на соци- альную ситуацию и как «стартовая площадка» для включения в «боль- шую» политику)	Выборы: рутинное голосование; выбор персоналий, а не программ; голосова- ние как акт легитимизации действующей власти
Действие	
Потенциально сюда попадает весь набор коллективных действий	Потенциальная угроза разрушения существующего порядка (если под действием понимать активность сози- дательного толка, то это не-действие, антидействие)

Недостаточно, однако, найти критерии, с помощью которых можно отделить массовую политику от политики масс, неизбежно возникают и другие вопросы: являются ли массовая политика и политика масс взаимоисключающими или взаимодополняющими процессами? Возможен ли, и если да, то каким образом, переход от одного процесса к другому? Хотя на данном этапе исследования рано давать однозначные ответы на эти вопросы, мы можем предположить, что массовая политика не исключает политику масс

(становление в первой половине XX в. фашистских режимов, в значительной степени базировавшихся на политике масс, было результатом вовлечения в политику групп граждан, до того лишенных возможности представлять свои интересы, т.е. процесса формирования массовой политики). Политика масс же, скорее, препятствует массовой политике (хотя и не исключает ее полностью), поскольку, во-первых, она не способствует формированию институциональных основ представительства, участия и действия (или даже разрушает их там, где они имеются) и, во-вторых, подменяет конструктивную активность имитационной, способствуя тем самым отчуждению граждан от политики.

В оценке массовой политической активности, как уже было отмечено выше, противостоят друг другу два подхода – «элитистский», сторонники которого склонны рассматривать активность масс как потенциально опасную и деструктивную, и «радикально-демократический», сторонники которого, наоборот, видят в массовом участии залог реализации идеалов народовластия. Мы отталкиваемся, скорее, от второй точки зрения (хотя бы потому, что из нее не следует «простой» вывод о том, что вовлечение «широких масс» в политику следует если не пресекать, то уж никак не поощрять), весьма вероятно, однако, что любой массовый «выход» людей в политическое пространство несет в себе потенциал развития как массовой политики, так и политики масс. Следовательно, возникает необходимость осмысления того, при каких условиях вовлечение значительного числа индивидов в политику создает собственно массовую политику, а при каких – политику масс.

Какую аналитическую модель можно применить для решения этой задачи? В данной статье мы предлагаем концептуальную схему (которая, безусловно, еще может быть конкретизирована и дополнена), в разработке которой следуем логике моделей трансформации политических систем в контексте массовой политики, предложенных С. Рокканом [Rokkan, 1999].

С. Роккан рассматривал два параллельных ряда процессов в европейских политических системах начиная с 1789 г.: во-первых, шаги в институционализации формальной массовой демократии: создание гарантий для свободы организованной конкуренции, расширение франшизы, стандартизация тайного голосования, снижение порогов представительства, введение различных мер

парламентского контроля над национальной исполнительной властью; во-вторых, рост и стабилизацию организаций для мобилизации массовой поддержки через новые каналы, формирование и «замораживание» организованных партийных альтернатив внутри каждой национальной политической системы [Rokkan, 1970].

Разницу между двумя моделями просто объяснить: институциональная модель характеризует изменения в унаследованных структурах элитного обмена в пределах территории и предсказывает на их основе реакции на требования массового участия; модель раскола перебирает возможные основания идентичности для массовой мобилизации. В институциональной модели акцент делается на устоявшиеся традиции взаимодействия, в модели раскола – на реакции на нарастающие приливы культурной, экономической и политической мобилизации. Каждая из моделей описывается своим набором переменных.

Поскольку в данном случае речь идет не о формировании структур политической системы или национального государства (что не означает решения данной проблемы), то мы ограничиваемся использованием только одного из блоков обширной и постоянно развивавшей модели, а именно блока, посвященного мобилизации и институционализации, и на его основе выделяем параметры, которые необходимо учитывать для объяснения условий становления массовой политики / политики масс (см. табл. 3).

Таблица 3

Массовая политика: параметры и индикаторы

Параметры	Индикаторы
1	2
Уровень социальной мобилизации	Уровень и характер образования, характер распространения информации, гражданская компетентность Соотношение секторов в экономике (государственный / частный) Уровень мобильности населения (в том числе миграция)
Уровень институциональной открытости для мобилизации	Реализация избирательных прав (соблюдение принципов равенства прав и т.д.) Тип избирательной системы (мажоритарная – пропорциональная – смешанная) Тип представительства (персональное – институциональное)

Продолжение таблицы 3

1	2
Уровень организационной мобилизации	Наличие / отсутствие политических партий, профсоюзов, светских / религиозных общественных движений, динамика их количества и численности участников Динамика уровня явки на выборы
Элитные решения по институционализации массовой демократии	Защита или ограничение прав оппозиции Расширение избирательного права Снижение порогов представительства Снижение порогов для участия в исполнительной власти
Политическая идентичность и расколы (cleavages)	Лояльность – оппозиционность Территориальная (в том числе по линии «город – село»), национальная (в том числе культурная и языковая), религиозная идентичность Экономические неравенства (уровень доходов, владение собственностью) Профессиональная идентичность Классовая идентичность ¹
Уровень насилия в отношениях между формирующимися политическими общностями	Применение насилия участниками массовых акций (в том числе вандализм, захват административных зданий и пр.) Применение насилия представителями государства (в том числе количество задержаний участников акций, объем штрафов)

Анализ по этим параметрам ситуации в современной России позволит оценить уровень структурированности политического пространства и потенциал развития массовой политики/политики масс в стране.

Список литературы

Alexander A.C., Welzel Ch. Measuring effective democracy: the human empowerment approach // *Comparative politics*. – Chicago, 2011. – Vol. 43, N 3. – P. 271–289.

¹ Доминирующая в последние десятилетия точка зрения, согласно которой классовая принадлежность в постиндустриальном обществе утрачивает политическое значение, все чаще оспаривается: исследователи отмечают, что и в современном мире возможности, которые предоставляет принадлежность к тому или иному классу, и ограничения, которые она накладывает, в значительной степени определяют уровень и модели политической активности [см., например: Lamprianou, 2013, p. 35–36].

- Alvarez-Junco J.* The emergence of mass politics in Spain: populist demagoguery and republican culture, 1890–1910. – Brighton; Portland (Or.): Sussex Academic Press, 2002. – xiv, 213 p.
- Andersen A.* Partisanship or cognitive mobilisation? A case study of the 2003 Czech EU accession referendum // Limerick papers in politics and public administration / Department of politics and public administration, Univ. of Limerick, Limerick, Ireland. – 2009. – N 2. – Mode of access: http://www.ul.ie/ppa/content/files/Andersen_partisanship.pdf (Дата посещения: 11.02.2014.)
- Baudrillard J.* The masses: The implosion of the social in the media // Cultural resistance reader. – N.Y.; L.: Verso, 2002. – P. 100–113.
- Borch Ch.* The Politics of crowds. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – vii, 338 p.
- Campbell A.L.* Policy makes mass politics // Annual review of political science. – Palo Alto, 2012. – N 15. – P. 333–351.
- Geissel B., Fiket I.* Effects of participatory innovations: Different processes and different output: Workshop proposal for ECPR joint sessions 2011 in St. Gallen, Università di Siena, Italy. 2011. – Личный архив автора.
- Hooghe M., Marien S.* A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe // European societies. – L., 2013. – Vol. 15, N 1. – P. 131–152.
- Keren M.* Blogging and mass politics // Biography. – Honolulu, 2010. – Vol. 33, N 1. – P. 110–126.
- Kiser L.L., Ostrom E.* The three worlds of action: A metatheoretical synthesis of institutional approaches // Strategies of political inquiry / E. Ostrom (ed.). – Beverly Hills, CA.: Sage, 1982. – P. 179–222.
- Kornhauser W.* The politics of mass society. – Glencoe: The Free Press of Glencoe, 1959. – 256 p.
- Rokkan S.* State formation, nation building and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / Kuhnle S., Flora P., Urwin D. (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 1999. – 440 p.
- Lamprianou I.* Contemporary political participation research: A critical assessment // Democracy in Transition / Demetriou K.N. (ed.). – Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2013. – P. 21–42.
- McHale V.E.* Democratic transition and the evolution of mass politics in post-Communist Central and Eastern Europe // Historical social research / Historische Sozialforschung. – Köln, 1995. – Vol. 20, N 2: Historisch-vergleichende Makrosoziologie: Stein Rokkan – der Beitrag eines Kosmopoliten aus der Peripherie. – P. 188–209.
- Mettler S., Soss J.* The consequences of public policy for democratic citizenship: Bridging policy studies and mass politics // Perspectives on Politics. – N.Y., 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 55–74.
- Online Etymology Dictionary – Mode of access: <http://www.etymonline.com/> (Дата посещения: 14.9.2014.)
- Rokkan S.* The growth and structuring of mass politics in Western Europe: reflections of possible models of explanation // Scandinavian political studies. – Oxford, 1970. – Vol. 5. – P. 65–83.

- Sieja J.* Bias, the bar, and the big picture: Mass political change's effect on the U.S. courts of appeals: Paper for presentation at the American Politics Workshop, University of Wisconsin, Madison, April 16, 2012. – Mode of access: https://apw.polisci.wisc.edu/archives/SiejaABARatings_APW.pdf (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Slater D.* Ordering power: Contentious politics and authoritarian Leviathans in Southeast Asia. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – xviii, 319 p.
- Studlar D.T., McAllister I.* Does a critical mass exist? A comparative analysis of women's legislative representation since 1950's // *European journal of political research*. – Dordrecht, 2006. – Vol. 41, N 2. – P. 233–253.
- Brake W.* Shaping history: Ordinary people in European politics, 1500–1700. – Berkeley: Univ. of California press, 1998. – xiii, 221 p. – Mode of access: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft500006j4/> (Дата посещения: 14.9.2014.)
- The Coming of Mass Politics: Industrialization, Emansipation, and Instability, 1870–1914 // *Levack B., Muir E., Veldman V.* The West: Encounters & Transformations. – Combined vol., 3 rd ed. – Upper Saddle River, N.J.: Longman / Pearson, 2011. – xxviii, 965 p.
- Tilly Ch.* Mechanisms in political processes // *Annual revue of political science*. – Paolo Alto, 2001. – Vol. 4. – P. 21–41.
- Welzel Ch.* The role of ordinary people in democratization // *Journal of democracy*. – Boston, 2008. – Vol. 19, N 1. – P. 126–140.
- White J.* The social theory of mass politics // *The journal of politics*. – West Nyack, NY, 2009. – Vol. 71, N 1. – P. 96–112.
- A new engagement? Political participation, civic life, and the changing American citizen / *Zukin C., Keeter S., Andolina M., Jenkins K., Delli Carpini M.X.* – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – xv, 253 p.
- Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.
- Голдстоун Дж.* Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2014. – 224 с.
- Государство и «народные» массы в России: Дискуссия в Фонде «Либеральная миссия». – 2009. – 5 августа. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/4320> (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 525 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
- Казинцев А.* Возвращение масс: дневник современника. – М.: Наш современник, 2010. – 688 с.
- Канетти Э.* Масса и власть. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.
- Кильдешов О.* Майкл Хардт, Антонио Негри. Множество: война и демократия в эпоху Империи // *Критическая Масса*. – М., 2006. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2006/2/ki30-pr.html> (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // *Мишель Фуко и Россия: Сб. ст.* / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – С. 238–314.

- Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
- Лефор К.* Вопрос о демократии // Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 15–30.
- Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 336 с.
- Мурейко Л.В.* К теории масс: понятие индифферентного, или О «человеке без свойств» // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. – Т. 2: Историческая культурология / Отв. ред. Д.Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 214–23.
- Найдорф М.* Очерки современной массовой культуры. – Одесса: БМВ, 2013. – 267 с. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/mass-culture/ocenka-i-tolpa-massa-i-massovaa-kultura> (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: АСТ, 2001. – 509 с.
- Пензин А.* «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // Синий диван. – М., 2004. – № 5. – С. 36–61.
- Рансьер Ж.* На краю политического. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
- Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
- Слейтер Д.* Анатомия сильного государства. Эффективная власть формируется лишь в условиях массовой политики // Коммерсантъ. – М., 2006. – 28 ноября.
- Согрин В.В.* Политическая история США, XVII–XX вв. – М.: Весь мир, 2001. – 400 с.
- Спиноза Б.* Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. – СПб.: Наука, 1999. – 629 с.
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
- Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху Империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
- Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. – М.: Ин-т философии, 2001. – 223 с.
- Штомпка П.* Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – 450 с.
- Шуровьески Дж.* Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. – М.: И.Д. Вильямс, 2007. – 304 с.
- Яковенко И.Г.* Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. – М.: Новый хронограф, 2009. – 178 с.